

ОТ РЕДАКЦИИ

В Постановлении ЦК КПСС «Об улучшении идейно-воспитательной работы музеев», принятом в августе 1982 года, констатируются возрастающая роль и широкие возможности музейных учреждений. В нем дается оценка состояния музейной работы в Советском Союзе и намечаются важнейшие меры по ее совершенствованию.

Музейное дело получило в нашей стране значительный размах, заметно выросло число посетителей музеев, укрепились связи музеев с широкими кругами трудящихся и с учащейся молодежью. Все это обязывает критически оценить различные аспекты деятельности музеев, в первую очередь идейно-воспитательный и научно-исследовательский. Вопрос о том, насколько активно участвуют музеи, в том числе и этнографические, в коммунистическом воспитании советского человека, в какой мере способствуют они гармоничному развитию его личности — личности интернационалиста и патриота, бережно относящейся к гуманистическим традициям предшествующих поколений, приобретает теперь особое значение. Проблемы идейно-просветительного и научного характера, которые рассматриваются в Постановлении, будут несомненно обсуждаться этнографической общественностью.

Журнал «Советская этнография» с первых лет издания периодически публикует статьи и информационные материалы по вопросам этнографического музееведения. Однако целый ряд важных проблем еще не был подвергнут критическому анализу, многие музеи, в том числе и крупнейшие (Музей антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде, Эстонский этнографический музей в Тарту, Государственный историко-этнографический музей-заповедник Кижского озера и др.) до сих пор не принимают участия в обсуждении музейно-этнографической проблематики. Вне поля зрения, как правило, оказываются региональные исторические и краеведческие музеи, располагающие огромным фондом этнографического материала. Редакция надеется, что введенный в этом номере журнала музейный раздел станет постоянным. В нем могли бы публиковаться статьи и сообщения о современных проблемах научного комплектования музейных фондов, о методике построения новых экспозиций, формах работы с посетителями, а также информация о том, что сделано музеями для выполнения Постановления ЦК КПСС о музейной работе.

А. М. Разгон

МУЗЕЙ И НАУКА

Музеи — особый вид научных учреждений. Признавая это, обычно имеют в виду прежде всего научную ценность их коллекций. Однако характерной особенностью музеев является и их полифункциональность — сочетание исследовательских, охранных и научно-просветительных, образовательно-воспитательных общественных функций. В зависимости от того, на каких элементах характеристики делаются акценты, приходят к самым различным выводам о сущности музеев как социальных институтов.

Подлинно научное решение проблемы требует всестороннего анализа

связей музея, его научной деятельности с профильными дисциплинами, а вместе с тем и выявления музееведческих аспектов, исследовательская сущность которых обусловлена собственным предметом, методом и структурой музееведения. Изучение исторического развития музеев — одно из обязательных условий, помогающих раскрытию всего многообразия связей этих учреждений с наукой, а также пониманию их общественного предназначения.

В связи с ростом интереса к истории нашей Родины повышается роль музеев в воспитании трудящихся, что подчеркивается в недавно принятом Постановлении ЦК КПСС «Об улучшении идейно-воспитательной работы музеев»¹. А это предъявляет новые, более высокие требования ко всем направлениям их деятельности. Одно из важных условий дальнейшего подъема музейного дела в нашей стране — научное обобщение опыта музеев, создание хорошо разработанной теории и методики музееведения, в том числе и этнографического. Между тем исследований, посвященных музейной проблематике, пока крайне мало. Мало работ и по истории этнографического музееведения. Поэтому мы сочли целесообразным привлечь внимание читателей к единственной в своем роде монографии Т. В. Станюкович «Этнографическая наука и музеи»², в которой не только показана «роль музеев в коллекционировании и изучении памятников культуры и быта народов мира, в разработке методики и инструментария научных исследований, в сборе, систематизации и экспонировании коллекций» (с. 5), но и выдвинуты проблемы, требующие дальнейшего обсуждения.

Монография Т. В. Станюкович, являясь этнографической, связана с целым рядом дисциплин — историографией, источниковедением, музееведением, историей культуры, науковедением.

Анализируя историю этнографических музеев, автор поставил задачу выявить их место в системе научных знаний; влияние на направление развития этнографии, ее проблематики и методов исследования; значение музеев как источниковой базы и одновременно как учреждений, доказательно документирующих своими собраниями огромный вклад отечественных ученых в этнографическое изучение культуры и быта народов всего земного шара.

Монография в значительной мере охватывает как историографические, так и музееведческие проблемы. Поэтому вполне естественна подчеркиваемая Т. В. Станюкович связь монографии и с этнографическими, и с музееведческими исследованиями, в частности, по истории музейного дела. Конечно, академические музеи, история которых рассматривается автором, принадлежат к особой группе: во-первых, коллекции их фондов составляют главный элемент источниковой базы специальной исторической дисциплины, а это, как известно, характерно не для всех исторических музеев; во-вторых, в классификации по основному общественному назначению эти музеи квалифицируются как преимущественно исследовательские. Их связи с наукой проступают более четко и имеют специфические черты, что, кстати, хорошо показано в книге.

Несомненное достоинство монографии — хронологическая широта: автор изучает процессы, протекавшие на протяжении двух с половиной столетий — с момента зарождения публичных музеев до современности. Такая ретроспектива открывает богатейшие возможности для рассмотрения различных этапов, для сравнений и сопоставлений.

Многоаспектность исследования и его хронология предопределили сложность состава первоисточников, использованных автором. Среди них все многообразие письменных источников (архивных и публикаций), вещественные этнографические коллекции, изобразительные документальные материалы. Комплексность источниковой базы — принцип, последовательно проводимый автором, важнейший элемент замысла.

¹ Правда, 20 августа 1982 г.

² Станюкович Т. В. Этнографическая наука и музеи (по материалам этнографических музеев Академии наук). Под ред. М. Г. Рабиновича. Л.: Наука, 1978, 285 с.

Исследование отличает высокий методологический уровень. Раскрывая значение академических музеев и этнографии в истории мировой науки и культуры, гуманистический характер теоретических построений и практической деятельности многих крупнейших представителей русской этнографии и музейного дела, Т. В. Станюкович всегда строго следует принципам историзма и классового анализа конкретных явлений. Это позволяет ей, проследив развитие этих явлений, их преемственность и противоречия, показать, как в советскую эпоху меняется сущность музеев, которые становятся действенным средством борьбы с реакционными буржуазными теориями и с антигуманистической практикой в отношении так называемых «диких» народов.

Монография открывается очерком истории старейшего русского публичного музея — Петербургской кунсткамеры (1714 г.), возникновение которой знаменовало начало новой эпохи собственно музейного дела, хотя его предыстория своими корнями уходит в глубокую древность. Уже в самом начале деятельности Кунсткамеры отчетливо выявляется органичность связи музея и науки. Более того, на этом этапе развития науки музей лежит в ее основании.

Главы, посвященные дальнейшему развитию академических этнографических музеев и их связи с наукой, структурно совершенно оправданы: их хронологические грани намечены не по формальным признакам, а отражают имманентное развитие науки и музеев. Если сначала речь идет о таком ведущем явлении, как комплектование широкого фонда коллекций этнографических материалов музея, и вместе с тем — формировании источниковой базы и закладке фундамента самой этнографии и поисках ею собственной проблематики (вторая половина XVIII в. — 70-е годы XIX в.), то последующий этап (до 1917 г.) характеризуется комплексным изучением человека и его культуры, а Музей антропологии и этнографии, вполне определивший свой профиль и сам являющийся как бы частью национальной культуры, достигает предельного развития, которое было возможно на базе буржуазной методологии. Прогрессивные тенденции, вскрываемые автором в развитии музея и науки, имеют в значительной мере субъективные основания и связаны с деятельностью целой плеяды прогрессивно и революционно настроенных ученых-гуманистов. В этих разделах, в отличие от раздела о Кунсткамере, автор при анализе материала идет от науки к музеям, хотя последние остаются в центре внимания, поскольку по истории этнографии имеются, как известно, специальные исследования.

Наконец, большой раздел монографии посвящен новому периоду в истории музеев и науки, начавшемуся после Великой Октябрьской социалистической революции и продолжающемуся в наши дни. В этот период научные учреждения представлены уже не только музеями, функционирующими в системе Академии наук, но и специализированным Институтом этнографии, частью которого становится Музей антропологии и этнографии. Благодаря марксистско-ленинской методологии возникает новое качественное единство музеев и науки, не исключающее, однако, функциональных различий, закономерных для разных видов научных учреждений.

Проблематика монографии чрезвычайно многообразна, и исследование содержит важные для науки и практики выводы. Отметим лишь некоторые из проблем, рассмотренных автором, и одновременно обратим внимание на ряд спорных вопросов, имеющих в работе, что вполне естественно для всякого подлинно оригинального исследования.

Автору в полной мере удалось реализовать основную задачу: выявить место музеев в этнографической науке и характер отношений, существовавших между проблематикой науки и таким своеобразным видом научного учреждения, как музей, на различных этапах исторического развития. Чрезвычайно убедителен анализ этих связей и взаимозависимостей на материале ранней истории науки и музея (Кунсткамера первой половины XVIII в.). Эта линия четко прослеживается и в последующие периоды.

В конце XVIII в. развитие науки вширь и вглубь, изменение роли Академии наук и всей организации научных исследований сказались на научной деятельности Кунсткамеры и, прежде всего, на самом характере комплектования коллекций памятников-первоисточников. Выступая вместе с Академией в роли методического центра (создание ряда инструкций-вопросников для научных экспедиций), музей комплектует систематические, разумеется, на уровне научного понимания своего времени, собрания прежде всего благодаря тем же экспедициям (с. 48—50, 55 и др.). Эта установка сохраняется и в последующее время, причем были достигнуты необычайные результаты. Отличный пример — экспедиция И. Г. Вознесенского (1839—1849 гг.), работавшая по инструкции академика Е. И. Шредера; итогом экспедиции была уникальная коллекция из 2829 этнографических предметов (с. 78—81). Вообще анализ связи полевых этнографических исследований и научного комплектования фондов музеев убедительно раскрывает взаимозависимость науки и музеев как научных учреждений. Такова история многочисленных академических экспедиций XVIII в., научных изысканий А. М. Шегрена, Н. Я. Бичурина, блестящих стационарных исследований Н. Н. Миклухо-Маклая и многих других экспедиций, проводившихся в последующие периоды. Думается, что есть все основания для квалификации музейных коллекций как одного из важнейших и специфических видов научной продукции музеев, причем в значительной части эта продукция относится не только к профильной науке, но и к музееведению.

Дифференциация наук четко отражается в направлении развития Кунсткамеры. Появление специализированных отделов — Азиатского, Ботанического, Зоологического, Египетского, Этнографического, явившихся позднее базой для создания специализированных музеев, — прямое следствие нового этапа в истории науки (с. 69—71, 77 и др.).

Сложнее обстоит дело во второй половине XIX в., когда вновь были выдвинуты проекты реорганизации самостоятельных академических музеев в единый (с. 107 и др.). В то же время существовал проект создания двух групп музеев — чисто научной и просветительной (публичной) ориентации. Оценка этих проектов и связанных с ними явлений требует, как нам представляется, дальнейшего анализа. Суть в том, что такого рода факты, конечно, не свидетельствовали о попятном движении в развитии науки, а были связаны с социальными требованиями, с потребностью в создании сети музеев разных типов.

Органичность взаимоотношений между музеями и этнографией, естественно, находится в поле зрения и в той части монографии, которая посвящена советской этнографической науке и Музею антропологии и этнографии, хотя специфичность этих отношений в условиях современной науки нуждается, на наш взгляд, в более углубленном рассмотрении.

В книге содержатся разнообразные сведения не только об ученых, чья служебная деятельность была связана с этнографическими музеями Академии наук, а и о многих выдающихся представителях русской науки, творческие биографии которых в той или иной мере соприкасались с историей этнографических музеев и чьи уникальные коллекции обогатили их фонды (В. Н. Татищев, С. П. Крашенинников, П. С. Паллас, Н. Я. Озерецковский, И. И. Лепехин, И. Г. Вознесенский, А. М. Шегрен, К. М. Бэр, Н. Я. Бичурин, Н. Н. Миклухо-Маклай, В. В. Радлов, С. Ф. Ольденбург, Л. Я. Штернберг, В. Г. Богораз, Д. К. Зеленин и др.). И в этом отношении книга также существенно дополняет историографию русской и советской науки.

В меньшей мере, на мой взгляд, автору удалось показать другую линию связей этнографических музеев с наукой — связей с музееведением, что в значительной мере объясняется тем аспектом исследования, который намечен в монографии. Думается, однако, что без этого многие факты в истории музеев не могут найти объяснения. Почему, например, в период, когда на базе Музея антропологии и этнографии создается специальный институт (1930-е гг.), причем, как отмечает автор, «музей

и институт не были отделены друг от друга» (с. 207 и др.), музей продолжает испытывать огромные трудности в разработке системы экспозиции? Кажется бы, столь идеальное соединение профильной науки и музея должно исключать возможность подобной ситуации. Но именно здесь проявляется одна из сложностей связей музеев с наукой. Дело в том, что эти отношения отнюдь не могут быть сведены к профильным дисциплинам (в данном конкретном случае — этнографии). В такой же степени музеи зависят от специальной науки — музееведения. Если в музееведении оказываются нерешенными принципиальные теоретические и прикладные вопросы, может в значительной мере ограничиваться и способность музеев использовать достижения профильных наук.

Большое место в научной деятельности музеев занимают экспозиции, поэтому, естественно, в монографии им уделено серьезное внимание. Т. В. Станюкович прослеживает длительный исторический путь экспозиции, рассматривая ее концепции как производное от профильной дисциплины. В итоге автор вычленяет четыре этапа в развитии экспозиции, при этом терминологически определены лишь второй и третий, а два описаны. Эти этапы можно было бы обозначить следующим образом:

1. Недифференцированная многопрофильная экспозиция (первая половина XVIII в.).

2. Предметно-вещеведческая экспозиция (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.).

3. Эволюционно-типологическая экспозиция (вторая половина XIX в. — 1917 г.).

4. Комплексно-тематическая экспозиция (после 1917 г.).

В книге дана довольно полная характеристика всех этапов, хотя, конечно, и здесь возможны и даже необходимы дальнейшие уточнения. Прежде всего это касается новейшего периода, поскольку ускоренное развитие науки, окончательное становление музееведения как самостоятельной дисциплины привели к самым решительным изменениям системы экспозиции и к ее научному обоснованию. Путь к современной комплексно-тематической экспозиции был весьма непростым, поэтому целесообразно было бы проследить связь поисков принципов экспозиции в этнографических музеях с разработкой советским музееведением новых задач и систем экспозиций в музеях исторического профиля. Тогда и типологические выставки 1920-х годов, в которых делалась попытка отразить производительные силы и производственные отношения (с. 193—194), не объяснялись бы рамками эволюционно-типологического метода, применявшегося, кстати, в это время не только в советских этнографических музеях. Вообще хотелось бы видеть несколько более широкий сравнительный фон с системами экспозиций музеев исторического профиля, в которых преобразования происходили примерно в то же время, что и в этнографических музеях.

Положение музеев в 1930-е годы с точки зрения музееведа также было несколько иным. Т. В. Станюкович отмечает, что МАЭ отдал дань и таким «веяниям времени», как «увлечение плоскостными выставками», являющимися реакцией на практику «бескрылого вещеведения». В музеях возникает в связи с этим «гонение на вещи, причем многие музеи бросаются в другую крайность: из экспозиций выхолащивается конкретный вещевой материал, вместо которого стены и шкафы заполняются лозунгами и цитатами, схемами, фото- и статистическими таблицами» (с. 200). И далее автор пишет: «В эти же годы велись поиски оптимального соотношения объемного и плоскостного материала, что позволило отказаться как от вещеведческих экспозиций, страдавших засильем вещевого материала, так и от серых рядов плоскостных экспозиций» (с. 207—208). С этой, несколько упрощенной, трактовкой упомянутых исторических фактов едва ли можно согласиться. Поиски и перемены того времени имели гораздо более глубокую основу.

Показательно, что даже такой авторитетный ценитель подлинного этнографического материала, как В. Г. Богораз-Тан, призывал «освободиться от плена вещей» и выставлять «не вещи, а социально-экономи-

ческие и политические идеи» (с. 200). Это, конечно, не просто случайное совпадение с формулами Первого музейного съезда (декабрь 1930 г.) и крайними требованиями вульгарно-социологического подхода к музейной экспозиции. Ничего не объясняет и отсылка на споры о «вещевых» и «плоскостных» материалах. Дело в том, что проблема, которая здесь упомянута, не сводится к вопросу о «соотношении» этих видов материала. Фактически споры о «вещевом» и «плоскостном» скрывали весьма принципиальные проблемы о месте музейного предмета-подлинника и научно-вспомогательного, объяснительного материала в системе музейной экспозиции; о принципах организации музейного материала, зависящих от понимания сущностных характеристик музея как социального института и от методологических позиций, определяющих задачи и возможности музейной экспозиции. Таким образом вопросы эти имели кардинальное значение и не сводились к «оформительским приемам».

Книга Т. В. Станюкович раскрывает практическую роль этнографии и этнографических музеев в идеологической борьбе, в решении национального вопроса, в осмыслении процесса формирования новой социалистической общности — советского народа. Это очень важно, ибо книга, на наш взгляд, может служить определенным ориентиром для функционирующей в нашей стране музейной сети, в составе которой есть десятки специализированных этнографических музеев и тысячи исторических и краеведческих музеев, имеющих богатейшие этнографические коллекции. Все эти музеи не только широко используются целым комплексом наук, но и являются основой образовательно-воспитательной деятельности, охватывающей более 100 миллионов человек.

Самостоятельную ценность, несомненно, имеет публикуемый в книге превосходный изобразительный документальный материал, никак не укладывающийся в обычное понятие иллюстраций: портреты выдающихся русских этнографов, историков, музейных деятелей; фрагменты экспозиции этнографических музеев на разных этапах их развития; карта этнографических коллекций и отдельные этнографические экспонаты. Наконец, в приложениях дана краткая справка о коллекционных фондах Музея антропологии и этнографии. Все эти документальные публикации вместе с богатым ссылочным аппаратом делают книгу совершенно незаменимой для тех, кто занимается вопросами этнографии и музееведения.

А. О. Мелия

МУЗЕЙ НАРОДНОГО ЗОДЧЕСТВА И БЫТА ГРУЗИИ

Начало создания в Грузии музея под открытым небом относится еще к 1940-м годам, когда Академией наук Грузинской ССР был поднят вопрос об организации государственного заповедника на основе двух этнографических объектов — горных селений Лахири и Дартло. Но лишь в начале 1960-х годов при Обществе охраны памятников культуры ГССР началась планомерная и целенаправленная работа по созданию Музея народного зодчества и быта. Первые эскизы музея были выполнены Н. Браилашвили и В. Цилосани, макет создан Г. Алшибая. В 1968 г. после окончания предварительных работ был утвержден созданный Л. Сумбадзе генеральный проект строительства музея. Научная консультация осуществлялась акад. АН ГССР Г. С. Читая, разработавшим принципы устройства музея под открытым небом¹. Официальное открытие музея состоялось в 1976 г., но пополнение его этнографическими

¹ Читая Г. Принципы и методы организации музея под открытым небом. — Дзеглис мегобари, сб. 48, с. 10—17; см. также: Дзеглис мегобари, сб. 1, 7, 25 (на груз. яз.).